

П. К. Бризон

История труда и трудящихся

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 330
ББК 65
П11

П11 **П. К. Бризон**
История труда и трудящихся / П. К. Бризон – М.: Книга по Требованию, 2013. – 447 с.

ISBN 978-5-518-06062-3

ISBN 978-5-518-06062-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

стремлении к независимости и безопасности, в своем желании наслаждаться благами, приобретенными тяжелым трудом в течение столетий феодализма, в своей надежде на приобретение новых благ «ремесленники, — говорит Левассер, — не додумались сразу же, при первых усилиях воображения, до политического союза на общинных началах; в период своих первых чаяний они не заносились так высоко, и многим мелким союзам приходилось создаваться втихомолку, до того как произошло общее объединение всех горожан, подобно тому, как в некоторых городах отдельные восстания предшествовали общему восстанию, обеспечившему общинную свободу». Среди же таких мелких союзов наиболее естественным был союз ремесленников, занимавшихся одним и тем же ремеслом.

В цехах хотели также видеть воскресшие к жизни римские *коллегии* и считали парижских «*продавцов на воде*» как бы прямыми потомками галло-римских «*nautes*». Доказательств этого не существует. Да и, кроме того, каким образом устояли бы римские учреждения в течение целых веков перед нашествиями, германской оккупацией и феодализмом? Самое большее, что мы вправе сделать, это указать на смутные пережитки римских постановлений в постановлениях двух главных продовольственных ремесел — в ремесле булочников и мясников.

С не большими основаниями ядром средневекового цеха следовали германскую *гильдию*. Ведь, гильдия являлась как бы обществом взаимопомощи, тогда как цех, несомненно, тоже являясь таким обществом, кроме того и главным образом представляет собою промышленный союз в целях доброкачественного производства.

Наконец, происхождение цехов пытались открыть в группировке по профессии крепостных, живших у подножия замка или в городе, принадлежавшем сеньору, под наблюдением *ministériaux*, слуг или должностных лиц господина. Об этом еще можно поспорить. Впрочем, что из того?

Для нас достаточно констатировать, что римские коллегии, германские гильдии, средневековые цехи и нынешние профессиональные союзы обнаруживают на протяжении веков тот инстинкт к образованию сообществ, который толкает людей друг к другу. И бывшие цехи, как и нынешние профессиональные союзы, не являются новыми учреждениями, возникшими внезапно. Неоспоримая истина, что союз — это исторический закон, вечная необходимость.

Во времена феодализма, когда сила была правом в большей мере, чем в другие исторические эпохи, отдельные лица пребывали бы в рабстве и нужде: цех возник из материальной потребности в единении; он стал для трудящихся убежищем, «крепостью». Объединение трудящихся создало их силу.

Первые цехи.

В точности неизвестно, когда образовались *цехи*. Известно только, что первые хартии, которыми узаконялось их существование, датируются XI веком, как, например, хартия парижских *свечников* (1061 г.), и что число их увеличивается в XIII веке ¹⁾.

Движение началось с больших городов. Среди первых, кто получил статуты, находятся булочники и мясники, пот му что их ремесло, необходимое для общественного питания, всегда привлекало внимание законных властей. Хартия 1134 года говорит о «старинных мясных лавках» («*antiques étaux*») парижских мясников.

Одна из наиболее старинных цеховых привилегий дошла до нас из Понтуазы—это привилегия булочников. В 1162 году Людовик VII жалует означенным булочникам, сеньором которых он был, привилегию, в силу коей никто не мог впредь делать хлеб для продажи, если не был принят в число булочников на основании установленных правил и не умел делать собственно-ручно белый и черный хлеб. Цена: ежегодный оброк, уплачиваемый королю вином. Потом мы увидим, что королевская казна никогда не теряла своих прав на ремесла, торговлю и промышленность.

Курьезные «белые мулицы» лионских скорняков привозили к самой соборной паперти доказательства того, что указанным скорнякам принадлежала цеховая привилегия, восходившая к «весьма стародавним временам». По преданию, скорняки сопровождали с зажженными свечами процессию святого Иоанна Крестителя; двух самых старых из них, сидевших верхом на белых мулицах, встречало у церковных дверей духовенство. Не значит ли это, что в 1208 г. архиепископ лионский официально признал, подтверждая эту церемониальную привилегию, что лионские скорняки уже с давних пор составляли важный цех?

Точно так же многочисленные и прекрасные расписные оконные стекла Шартрского собора, изображающие тележников, плотников, бочаров, скорняков, меховщиков, сукошников, каменщиков, резчиков по камню и т. д. во время работы или с атрибутами их профессий, дают нам возможность узнать, что в XIII веке в Шартре и его окрестностях существовало свыше пятидесяти ремесел, организованных в цехи.

¹⁾ Так как буржуазия начинает проявлять свою жизненность именно в это время, то мы не будем восходить к более отдаленной эпохе при изложении элементарной истории.

А не показывает ли в достаточной степени постройка этого собора, как и всех других церквей, что происхождение обществ *вольных каменщиков* восходит к самому раннему периоду средневековья?

Этьену Буало, парижскому превоту во времена Людовика Святого, оставалось лишь зарегистрировать в своей знаменитой *«Книге ремесел»* уставы ста одного цеха, уже организовавшихся в Париже. Притом не все они были занесены им в его каталог, так как мясники, уже пользовавшиеся громадным влиянием, не позволили занести себя в список. Естественно, что каждый из этих цехов утверждал, что происхождение его восходит к эпохе, предшествовавшей крестовым походам!

Цеховое движение и свободные ремесла.

Начиная с XIII века, число цехов непрерывно увеличивалось вплоть до кануна Революции. Сперва цехи конституировались сами, затем королевская власть, преследовавшая главным образом фискальные цели, заставила ремесленников соединиться в *присяжные ремесла* (в цех вступали, давая клятву—*присягая*). Замечательны в этом отношении ординансы 1587 и 1597 г.г. Вместе с прогрессом промышленности они содействовали умножению цехов, что вызвало протест третьего сословия в Генеральных Штатах 1614 года.

Позднее, когда Кольберу понадобились средства для ведения войн Людовика XIV, он задумал заставить ремесленников образовывать *общества искусств и ремесел*: так в XVII и XVIII столетиях назывались цехи. С этой целью был издан ординанс 1673 года, который иной раз применялся по-военному. Тогда число цехов возросло еще больше: в Париже оно дошло с 60 в 1672 г. до 129 в 1691 г. ¹⁾; в Пуатье с 25 в XVI веке до 43 в 1717 г.

Вместе с тем, однако, никогда не существовало цехов по всей Франции, как иной раз склонны думать.

В XVI веке во Франции города с *цеховыми присяжными* были еще в меньшинстве; напротив, в большинстве городов и во всех селах труд был свободен, то-есть, каждый мог

¹⁾ «... В конце XVII века,—говорит Ив Гюйо,—в Париже насчитывалось 1.551 ремесленное общество, в состав которых входило 17.080 мастеров, 38.000 рабочих, 6.000 учеников». Цифры эти кажутся преувеличенными.

на свой риск и страх заниматься избранным ремеслом, не «*присягая*», не платя вступительного взноса, не делая «образцового произведения», не подчиняясь тирании уставов, часто имевших произвольный характер. Ордоансы были бессильны убить свободный труд. Свободные ремесла упрямо сохраняли жизнеспособность в многочисленных городах, например, в Лионе, где только четыре ремесла были организованы в цехи: золотых дел мастера, так как им приходилось иметь дело с драгоценными металлами; слесаря, в виду необходимости обеспечить безопасность жилища; цирюльники-хирурги и аптекаря в целях общественного здоровья ¹⁾.

Часто в присяжных городах ²⁾ бывали свободные кварталы или свободные ремесла: в Париже Сент-Антуанское предместье в течение многих лет наслаждалось прелестями независимости. Даже после сурового ордоанса 1673 г. встречались провинции, в которых совсем не было сословий цеховых присяжных или статутов, или же они были только в немногих местностях.

Итак, в эпоху абсолютной монархии, как и в средние века, как после, так и до того, как государство наложило свою руку на цехи, во Франции всегда рядом с организованным трудом существовал свободный труд.

Если могло возникнуть предположение, что во всей Франции труд был организован на цеховых началах, то лишь потому, что слишком исключительно изучали парижские цехи, которые, живя под сенью королевской власти, получали от нее свои превосходные продуманные статуты и предусматривающие каждую мелочь уставы. Париж изливал на окрестности и на всю область королевских доменов свои лучи, в силу правительственного принципа единства и централизации. Но нужно остерегаться думать, что парижский округ заключал в себе и остальную Францию. Тем не менее, это обычное заблуждение.

Статуты одного цеха: тулузские булавочники.

Ничто не может лучше определить какое-нибудь учреждение, чем его собственные статуты. Но статуты цехов изменялись сообразно ремеслам, местностям и эпохам. Поэтому нам приходится знакомиться только, так сказать, со «средними» статутами, вот

¹⁾ Hauser, *Ouvriers du temps passé*.

²⁾ *Villes jurées* — города, закрывшие доступ предметам кустарного производства (*Прим. перес.*).

почему мы заимствуем их вне Парижа, который слишком сильно испытал на себе влияние королевской власти, и берем их в XVI веке, в момент, когда цехи приумножались и видоизменялись.

Краткий обзор «статуты искусства и ремесла тулузского булавочника в 1590 году» даст нам возможность лучше понять, что такое цех. Статуты эти произведение городских властей, ибо во многих местах цехи были подчинены общинной или сеньориальной власти, как в королевских доменах они находились под властью короля.

Статуты вышеуказанных булавочников, состоящие из двадцати восьми статей, начинаются с обязательного предписания церковной службы, обедни, вечерни, процессии 5-го августа со свечами для «булавочников—их было восемь,—их жен, слуг и учеников»: слуги и ученики участвуют в процессии без свечей; затем идет обязательство присутствовать на похоронах мастеров, жен,^c подмастерьей и учеников; запрет работать по воскресеньям и в праздники; ежегодное избрание двух *баллифов*; ученье должно продолжаться по меньшей мере пять лет; запрещение мастерам принимать подмастерье, покидающего другую мастерскую, без наведения справок о причинах его ухода; запрещение указанным мастерам брать приезжего рабочего, прежде чем *баллифы* не признали его добрым католиком и человеком добрых нравов; штраф, налагаемый на мастеров, которые «повысили бы в большей степени, чем другие, жалование подмастерьям, не предупредив об этом прочих мастеров»; штраф, налагаемый на мастеров, которые «сманили бы подмастерья или ученика от другого мастера»; воспрещение всякому лицу заниматься ремеслом, не выдержав экзамена и не изготовив образцового произведения, т.-е. двух тысяч булавок двух сортов и всех инструментов, нужных для производства булавок (волочильни, наковальни, шильев и т. д.).

Цех — хозяйская крепость.

Этих статуты вполне достаточно для нас, чтобы выявить дух цехов.

Прежде всего это дух религиозный. И тут нет ничего удивительного, ибо в средние века вся жизнь проходила под властью религии. Рядом с цехом существовало *братство*, находившееся под покровительством какого-нибудь святого. После Реформации требовалось даже, чтобы мастера, подмастерья и ученики были католиками. Религиозный дух прожил столь же долго, как и цехи.

Но что нас интересует больше всего, это экономический характер цеха. С этой точки зрения цех и в средние века и в эпоху абсолютной монархии являлся как бы крепостью, где находила себе убежище привилегия.

Привилегия—это закон, это неоспоримое право средневековья. И цех—это прежде всего привилегия мастеров во вред подмастерьям, это также привилегия ремесленников цеха заниматься данным ремеслом в городе, исключительно им одним. Этот монополизм дух, еще в зародыше в статутах XIII века, будет все шире и шире развиваться, начиная с XV века, т.-е. в тот момент, когда конкуренция станет более грозной, и он охватит юг, где до той поры его не было.

Эта монополия становится даже наследственной, и мясники Большого Парижского Мясного Ряда, где сын сменял отца, представляют собою пример тех злоупотреблений, к которым могли привести некоторые цеховые монополии. Разбогатевшие мясники больше не занимались ремеслом; они «жили на ренту», отдавая свои скотобойни в наем по очень дорогой цене подмастерьям, которые и были настоящими мясниками. Королевская власть, беспомощная перед могуществом богатых мясников Большого Мясного Ряда, вышла из затруднения, создав новый цех из настоящих мясников, арендовавших лавки у мясников-рантье. В Париже мясные лавки былого времени были тем же, чем ныне являются табачные лавки: не всегда тот, кто их держал, был их владельцем.

Замкнувшись, как в цитадели, в своем цехе, мастера-ремесленники были защищены от подмастерий, от конкуренции и, в силу правил о доброкачественном производстве, от своих собственных погрешностей. Нужно ли еще что-либо прибавлять для доказательства того, что корпорация была хозяйской крепостью? Левассер в прекрасных выражениях показал «классовый» характер цеха:

«Было почти немисливо, — говорит он, — чтобы у цехов, при составлении их статутов, не являлось стремления к монополии. В области политической, а, может быть, еще больше в области экономической, *классы бывают эгоистами*. Когда они обладают властью издавать законы, то законодательствуют в духе своих частных интересов, и редко случается, чтобы они не обеспечивали за собой преимуществ; в наши дни мы это видим в вопросах таможенных и регламентации труда, равно как и в вопросах избирательных, да и во многих других политических делах. В те времена то же самое наблюдалось в вопросах промышленной организации, когда уставы представлялись сеньюру для санкции самими промышленниками».

Удар по монополиям: свидетельства на мастера и ремесленники, сопровождающие двор.

Любопытная вещь — монархия, поощрявшая дух монополии, побуждая ремесленников организовываться в цехи, первая нанесла удар цеху королевскими *свидетельствами на мастера* и созданием *придворных ремесленников*.

Людовику XI, испытывавшему острую нужду в деньгах, пришлось в голову продавать *свидетельства на мастера*, благодаря чему приобретатели этих свидетельств избегали, путем соответствующего платежа, от необходимости подчиняться цеховому игу.

Короли широко пользовались этой системой в XVI веке для мелких доходов принцев крови, которые получали то в день свадьбы, то в день рождения своих детей право продавать в свою пользу известное число свидетельств на мастера в цехах королевства — королевский подарок без развязывания мотины! Так Генрих III положил свидетельства на мастера в свадебную корзинку своей сестры Маргариты, при выходе ее замуж за короля Наварры.

Эти свидетельства страшно не нравились цехам, ибо они приоткрывали дверь монополии. Защищая свои привилегии, цехи, конечно, всегда находили, что новые мастера не в силах справиться со своей задачей! Находя поддержку в общинах, которые тоже имели право выдавать дипломы на мастера, они запугивали покупателей, подвергали незваных пришельцев бесконечным притеснениям или принуждали их тайно уплачивать братству крупную сумму денег, чтобы получить право вступить в него!

Вот почему на рынке обращалось слишком много свидетельств. Число их увеличивалось с каждым годом. Во времена Генриха IV свидетельства, выпущенные в 1558 году, еще не нашли себе покупателей. Доходило до того, что цехам запрещали производить экзамены на мастера, пока не расходились королевские свидетельства, даже заставляли старых мастеров покупать все свидетельства оптом для дальнейшей перепродажи — доказательство, что, поступая так, королевская власть преследовала главным образом фискальные цели. В 1608 году Генрих IV отменил все те свидетельства, которые были выданы до его восшествия на престол. Но продажа свидетельств на мастера продолжала существовать до конца монархии.

Ремесленники, сопровождающие двор, точно так же занимались своим ремеслом, не входя в состав цехов. Как показывает их название, они, будучи придворными поставщиками,

«следовали» за двором, когда тот менял свое местопребывание. И они работали не только на короля и его свиту, но еще и на местных жителей без свидетельства на мастера, без уплаты какого-либо взноса в пользу братства, не подвергаясь посещению ни старшин, ни других должностных лиц цехов. Они имели также право открывать мастерские в Париже, не неся никаких обязательств, кроме платежа королю за столь высоко ценимое звание.

Число таких привилегированных ремесленников поднялось с 93 во времена Людовика XII до 160 при Франциске I, до 320 при Генрихе IV, до 377 в 1712 году — в то время упоминали о лицах, которые платили за свое звание 12.000 и даже 25.000 ливров. Число их не переставало расти до конца монархии, и о дворе XVIII века можно сказать с большим правом, чем было о нем сказано одним венецианским послом в XVI веке: «Двор, во время своих путешествий, увлекает за собой огромное число придворных, слуг и лавочников: пожалуй, скажешь, что движается целый город».

Впрочем, если «ремесленники, сопровождающие двор», и наносили ущерб цеховой монополии, то лишь в Париже или в Версале. Несмотря на их существование, несмотря на свидетельства на мастера, которые продавались по всей Франции, монополия удерживалась.

Война монополий.

Начиная со средних веков, между соперничающими монополиями родственных по характеру ремесел вспыхнула война. Цехи углубились в «дебри судебной процедуры» и затевали невыездные процессы, — торговцы гусями выступали против торговцев курами, башмачники против ремесленников, занимавшихся только починкой башмаков, красильщики против суконщиков, — процессы, которые иногда затягивались на целые века, как, например, знаменитый процесс портных с лоскутниками.

Дело в том, что нередко бывало трудно определить в точности границы каждого ремесла: с какого момента платье выходило из-под власти портного и попадало под власть лоскутника? Начавшись в XIII столетии, вечный процесс не закончился еще в XVIII. Портные хотели помешать лоскутникам ставить новую материю на подержанное платье, а лоскутники под видом починки были не прочь переделывать платья почти совсем заново. Вполне понятно замешательство начальника полиции и парламента. Они торжественно заявляли, что лоскутники не должны

употреблять для починки сукно, стоящее дороже 8 или 15 ливров локоть¹⁾. Но распря возобновлялась, как ни чем не бывало.

Во время этой войны монополий особенно выделились парижские суконщики, валяльщики и красильщики. Суконщики, составлявшие богатый цех, издавна присвоили себе право окрашивать вырабатываемые ими материи во все цвета, за исключением синего цвета посредством синильника. И когда Этьен Буало собрал в «Книге ремесел» статуты парижских ремесел, то суконщики озаботились, чтобы привилегия, которую они сами себе пожаловали, была так зарегистрирована: «Всякий, кто занимается в Париже тканьем, может красить у себя дома любыми красками, кроме синильника». Но, кроме того, они заявляли, что королева Бланка утвердила за ними право красить и синильником в двух мастерских. Со своей стороны красильщики требовали, чтобы было отмечено, что ни один суконщик не смеет «красить ни синильником, ни какой-либо иной краской». Война была объявлена в письменной форме в самой книге Этьена Буало — в первом кодексе ремесел!

Сверх того, красильщики жаловались, что они совершенно исключены из братства суконщиков, допускавших только сыновей мастеров. Они предложили соединить оба ремесла, дав разрешение всякому суконщику свободно красить, а всякому красильщику изготовлять или продавать сукно. Им это не удалось.

Но вот в распря вмешивается новый цех. Валяльщики, которые «валяли», стригли, ложили, отделывали сукна, заявили претензию, что лишь они одни имеют право судить о качестве сукна, сживать брак и наказывать виновных. Суконщики запротестовали: процесс (1270 г.). Парламент решил, что сукна должна исследовать смешанная комиссия из двух суконщиков и двух валяльщиков.

Долго продолжалась война между суконщиками и красильщиками, между суконщиками и валяльщиками. Мы видим, что сукноторговцы (цех разделился на два цеха: на фабрикантов сукна — *сукноделов* и на продавцов его — *сукноторговцев*) применяли в конце XIII века ту систему фабричных лавок (*trucksystem*), которую считают зародившейся в век мануфактур: они заставляли работавших поштучно ткачей и валяльщиков принимать в уплату за сдельную работу всевозможные готовые предметы; они так произвольно фиксировали цены на них, что ордонанс 1285 года и другой 1293 года запретили им этот бесчестный промысел.

Чем более развивался дух монополии, тем сложнее становилось судопроизводство, тем многочисленнее, продолжительнее и дороже становились ссоры между цехами. Процесс, начавшийся в 1509 году

¹⁾ Aune — 11 вершков. (Прим. перев.)

между продавцами жареных гусей, с одной стороны, и продавцами кур и поварами — с другой, закончился лишь в 1578 году.

Продавцы гусей продавали сперва только жареных гусей; но в начале XVI века они стали выставлять в своих лавках всевозможную птицу и дичь. Когда в 1509 году они стали просить о возобновлении своих статутот, то позаботились, чтобы было зарегистрировано их право варить и продавать «всякий мясной товар в шерсти и пуху».

Продавцы кур запротестовали; продавцы кур не оробели! Ведь торгуют птицей они. Прево внял доводам продавцов кур. Продавцы гусей апеллировали к парламенту. Трудный вопрос, продолжительный процесс. У продавцов гусей имелось королевское разрешение, а продавцы кур, хотя и были бесстрашны, но не были безупречны, ибо они продавали вареную птицу, тогда как должны были бы торговать лишь сырой. Вот на это-то и указали торговцы жареными гусями продавцам кур: в 1526 г. они добились патентов, запрещающих всякому, кто не был мастером-продавцом жареных гусей—внимание, господа продавцы кур!—заниматься продажей «мяса, побывавшего на огне».

Продавцы кур вновь запротестовали, и единоборство продолжалось к большому ущербу для публики, так как дичь вздорожала! Наиболее потерпевшим из всех трех оказался не тот, о ком вы могли бы подумать: публика пострадала, но продавцы кур погибли. В самом деле, в 1578 году окончательно было постановлено судом, что занимающиеся жарением могут продавать всевозможную птицу и дичь; продавцы кур были вынуждены ограничиться лишь одной сырой дичью—у них отняли даже и кур. Это был смертный приговор. Ремесло их зачахло и почти совершенно исчезло.

Но триумфу продавцов жареного также угрожала опасность. В пылу битвы они завладели кастрюлями поваров. Повара, уже победившие продавцов горчицы, рассердились. Разгорелась ссора, не потухавшая в течение полувека. Она была улажена забавным приговором 1628 года, которым позволялось продавцам жареного продавать только шесть мясных блюд, из них три фрикассе, с тем, чтобы продавцы не смели выносить товар в город. Так закончились живописные распри между продавцами гусей, кур, горчицы и поварами ¹⁾.

¹⁾ о XIV столетия продавцы жареного и пирожники готовили вареную свинину, которую им продавали в сыром виде мясники. По этому поводу шли бесконечные споры и процессы. В 1475 году образовывается цех колбасников, *chaiguisiers*, — профессия, исчезающая потом после слияния с ранее существовавшими цехами и пользовавшаяся до этого большим значением в Галлии, леса и жодули которой вскармливала множество свиней. Колбасное дело совершенно выделилось из мясной торговли только в начале XVI века, и только в 1823 году исчезло ограничение числа колбасников.